

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ * СОКРОВИЩНИЦА НАУЧНО-ФАНАТАСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Эдвин Чарлз Табб

Дюмарест с Терры
1-10

E.C. Tubb. The Winds of Gath. 1967
E.C. Tubb. Derai. 1968
E.C. Tubb. Toyman. 1969
E.C. Tubb. Kalin. 1969
E.C. Tubb. The Jester at Scar. 1970
E.C. Tubb. Lallia. 1971
E.C. Tubb. Technos. 1972
E.C. Tubb. Veruchia. 1973
E.C. Tubb. Mayenne. 1973
E.C. Tubb. Jondelle. 1973

Перевод - Ю. Богданов, А. Анфалов, Д. Арунов, О. Колесников

Издательство ООО «Международный центр фантастики»
111250, г. Москва, ул. Красноказарменная, д. 9
тел./факс (495) 918-10-87

Лицензия ИД № 00068 от 6 сентября 1999 г.

Подписано в печать 11.07.2017. Формат 60x90¹/₁₆.
Усл. печ. л. 49. Тираж 40 экз. Зак. № .

Табб, Э.Ч.

Дюмарест с Терры: 1-10: фантастические романы. — М.: Международный центр фантастики, 2017. — 988 с.

Не предназначено для продажи.

Ветры Гата

Посвящается Дженифер

Глава 1

Он проснулся, отсчитывая секунды, поднимаясь сквозь бесконечный черный холод к теплу, свету и пробуждающемуся сознанию. На счет 32 индукционные токи нагрели его тело до нормальной температуры. На счет 58 его сердце начало биться самостоятельно. На счет 73 отключился аппарат искусственного дыхания. На счет 215 под шипение сжатого воздуха откинулась крышка контейнера.

Он лежал, наслаждаясь эйфорией воскрешения.

Оно всегда было одинаковым, это ощущение благополучия. Каждый раз, когда он просыпался, его охватывала волна радости, что ему еще раз повезло. Его тело наполнилось жизнью после долгого сна, во время которого имело возможность излечить разные мелкие болезни. Лекарства, которые помогли ему проснуться, обострили его воображение. Было приятно лежать с закрытыми глазами, погруженным в удовольствие этой минуты.

— С тобой все в порядке?

Резкий, беспокойный голос ворвался в его сознание. Дюмарест вздохнул и открыл глаза. Свет был слишком ярким. Он поднял руку, чтобы защитить глаза, и опустил ее, когда кто-то заслонил свет. Бенсон стоял в ногах открытого контейнера и смотрел на него сверху вниз. Он выглядел точно таким, каким Дюмарест его помнил: маленький человек с морщинистым лицом, с аккуратной каймой бородки и гладкими черными волосами. Насколько же человек должен состариться, чтобы это бросалось в глаза?

— У тебя получилось, — сказал оператор довольным тоном. — Не ожидал, что чего-то случится, но минуту назад ты заставил меня поволноваться. — Он наклонился вперед, и его голова заслонила свет. — Ты уверен, что с тобой все в порядке?

Дюмарест кивнул, неохотно сознавая необходимость двигаться. Потянувшись, схватился руками за края контейнера и медленно поднялся. Его тело было таким же, как обычно — большим, обнаженным и бесцветно-белым. Кожа плотно обтягивала выступающие кости. Он осторожно напряг мышцы, набрал воздуха в грудную клетку. Воскрешаясь, он подрастерял жир, но кое-что еще осталось. Оцепенение все еще не прошло, чему он был очень рад.

— Я еще никого не потерял при воскрешениях, — похвастался оператор. — Вот почему ты заставил меня поволноваться. У меня хорошая репутация, и я не хочу запятнать ее.

Конечно же, она такой и останется. Бенсон был довольно старательным. Но пройдет время, и он станет менее усердным. Пройдет еще время, и он уже не станет так заботиться о своей репутации. А в конце концов ему на все станет наплевать. Именно тогда некоторые такие типы начинают полагать, что очень умно будет сэкономить на лекарствах, а

потом смотрят, как очередной воскрешаемый криком разрывает себе легкие в агонии восстановленного кровообращения.

— Я забылся, — сказал он. Оператор принес чашку солоноватой воды. Дюмарест выпил ее и вернул чашку. — Спасибо, — его голос был хрипловатым. Он сглотнул и попробовал еще что-то сказать. На этот раз голос больше походил на прежний. — Принеси немного басика.

— Подожди минуточку.

Дюмарест сел на контейнер, сгорбился и стал смотреть, как Бенсон идет к автомату-наполнителю. Он обхватил себя руками, ощущая холод вне контейнера и мрачность обстановки. Комната напоминала морг. Холодное, залитое голубым светом помещение, с воздухом, пропитанным запахами химикатов. Бесформенное помещение с низким потолком с выступающими стойками и изогнутыми балками, раздражающее глаза однообразной монотонностью неокрашенного металла.

В этой части корабля не было никакой нужды в тепле и никаких признаков комфорта. Только голый металл и ультрафиолетовые лампы, очищающие своим стерилизующим сиянием похожие на гробы контейнеры. Это было то место, где хранились живые существа — принявшие препараты, замороженные, на 90 % мертвые. Здесь находились самые дешевые места для путешественников, готовых рискнуть своей жизнью против возможных пятнадцати процентов смертельного исхода.

Такое путешествие было дешевым — это было его единственным достоинством.

Но что-то вокруг было не так.

Дюмарест почувствовал это седьмым чувством, пришедшим с многолетним опытом. Это не имело отношения к пробуждению. Он осознал это задолго до окончания пятиминутного цикла воскрешения. Это не было связано с Бенсоном. Это было что-то еще — что-то, чего не должно было быть.

Он обнаружил, в чем дело, после того как смочил кончики пальцев и легонько дотронулся ими до голого металла конструкций. Ощущалась дрожь — слабый, но безошибочно узнаваемый эффект поля Эрхафта. Корабль был все еще в космосе.

А путешественников никогда не оживляли до приземления.

Бенсон возвратился с чашкой басика. От чашки поднимался тонкий аромат, специально предназначенный для стимуляции аппетита. Оператор улыбался, протягивая ее.

— Вот, — сказал он. — Глотай, пока теплый.

Обогащенная витаминами и протеином жидкость была липкой от глюкозы. Дюмарест осторожно пил ее маленькими глотками, внимательно следя за ощущениями в своем животе. Он отдал Бенсону пустую чашку и прошел вдоль контейнера. В тумбочке внизу лежала его одежда и вещи. Он оделся и проверил свою экипировку.

— Все на месте, — сказал Бенсон. Его голос по сравнению со звонким металлическим эхом звучал глухо. — Все точно так, как ты оставил.

Дюмарест затянул ремень и надел ботинки. Это были хорошие ботинки. Опытный путешественник всегда заботится о своих ногах.

— Я никогда ничего не краду у путешественника. — Оператор настаивал на своей честности. — Я не в обиде, что ты проверил свою амуницию, но я ничего не краду.

— Не украдешь, если у тебя есть немного мозгов, — согласился Дюмарест. Он выпрямился во весь рост, возвышаясь над собеседником. — Но попытки краж бывали.

— Возможно, но я такого никогда не делал.

— Пока.

— Никогда. Я никогда не займусь этим.

Дюмарест пожал плечами, оставаясь при своем мнении, и посмотрел на другие контейнеры. Затем подошел к ним, проверяя их содержимое. Три бычка, два барана, твердый кусок льда с лососем, собака, множество кошек — обычный живой груз любого звездного корабля, путешествующего без определенного маршрута и торгующего всем, что может принести прибыль. Однако здесь не было людей, несмотря на множество пустых контейнеров. Он посмотрел на оператора.

— В порту отлета были путешественники, желавшие последовать с нами, — спокойно сказал Дюмарест. — Почему здесь только я?

— Ты пришел слишком рано.

— Ну и что?

— В последний момент мы подписали контракт с матриаршей Кунда и ее свитой. Ты в это время был уже заморожен, и только поэтому тебя не сгрузили вместе с остальными пассажирами и другим грузом. — Бенсон подошел к автомату и наполнил пустую чашку. — Они арендовали весь корабль.

— Большие деньги, — сказал Дюмарест. Единственный способ нарушить заключенный с капитаном Договор состоял в выкупе билетов у тех, кто мог предъявить свои претензии. — Разве у нее нет своего корабля?

— Есть. — Бенсон подошел к Дюмаресту. — Я слышал, как один из наших механиков говорил, что у них барахлит двигатель. Как бы то ни было, Старик подписал контракт, и мы сразу отбыли.

Дюмарест кивнул, продолжая пить вторую чашку. В космосе человек может прожить день, употребив всего сто грамм басика, и Дюмарест почувствовал, что уже стал поправляться. Бенсон сел рядом, заглядывая в глаза Дюмаресту. Казалось, он хотел заговорить, нарушить обычное безмолвие этой части корабля. Дюмарест решил помочь ему.

— Матриарша? Множество женщин, чтобы повеселиться?

— Они путешествуют высшим классом, — сказал Бенсон. — Все, кроме стражи, а эти не терпят шуток. — Он придвинулся еще ближе. — Но как это — быть путешественником? Я имею в виду, что это тебе дает?

В его глазах было любопытство и что-то еще. Дюмарест часто видел такой взгляд раньше, взгляд домоседа на путешественника. Это встречалось у всех, и вскоре появлялась зависть. Затем, по мере того как их корабль превращался в удерживающую их тюрьму, зависть перерастала в ненависть. Именно тогда опытный путешественник предпочитал подождать другого корабля.

— Это стиль жизни, — сказал Дюмарест. — Некоторым он нравится, некоторым нет. Мне нравится.

— Как ты этим занимаешься? Что ты делаешь между перелетами?

— Осматриваюсь, нахожу работу, зарабатываю на новый билет для перелета куда-нибудь еще. — Дюмарест допил басик и поставил пустую чашку. — Брум — это деловая планета. У меня не будет больших проблем найти корабль, направляющийся туда, где я еще не был. — Он уловил

выражение на лице оператора. — Мы направляемся на Брум? Ты говорил, что Брум будет следующим пунктом назначения.

— Нет. — Бенсон немного отступил. Дюмарест поймал его руку.

— Я купил билет до Брума, — сказал он холодно. Его рука сжалась. Оператор вздрогнул. — Ты соврал?

— Нет! — Бенсон не был трусом. — Ты купил обычный билет, — сказал он. — Перелет в следующий пункт назначения. Я считал, это будет Брум. Это и был Брум, пока мы не подписали контракт.

— А теперь?

— Мы в трех днях от Гата.

«Закрой глаза, задержи дыхание, запоминай! На Гате ты можешь услышать музыку миров!»

Так утверждала реклама, возможно, справедливо — у Дюмареста никогда не возникало желание проверить это. Гат был планетой для туристов с билетом туда и обратно. Это было «привлекательное» место без какой бы ни было промышленности, в котором нет стабильного общества, где путешественник мог бы заработать денег на обратный билет. Мертвый, скучный, полуслепой захолустный мир.

Он стоял на краю взлетного поля, осматриваясь. Он не был здесь одинок. Ниже, за ровной площадкой поля, за изгибом долины, сбегавшей вниз к морю, теснилась в беспорядке горстка лачуг. Они соответствовали бедности, которая висела над ними, как миазмы. Они давали некоторое укрытие и чувство собственности, и это было все.

Дальше, в другую сторону, на некотором возвышении, в отдалении от опасности поля космодрома и от запаха лагеря лачуг, располагалось поселение из строгих домов заводской постройки и надувных палаток. Здесь обитали деньги и комфорт, который они могли обеспечить — туристы, путешествующие высшим классом, принимавшие таблетки ускорения времени, так что день казался часом, неделя — днем.

Люди из лагеря путешествовали так же, как Дюмарест — низшим классом. Путешественники среднего класса оставались на кораблях, которые были их домом. Корабли останутся на взлетном поле, как говорил Бенсон, до окончания бури. Затем они улетят. Другие придут к следующей буре. На Гате этот интервал составлял около четырех месяцев. Целая вечность.

Дюмарест ушел с поля, пройдя мимо нескольких человек, с безнадежностью пляющихся на кораблях. Как только он сошел с укрепленной площадки поля, его ботинки погрузились в грязь. Было жарко, и воздух был тяжелым, очень влажным. Он расстегнул воротник, когда вошел в лагерь. Между лачугами вилась узкая тропинка, неровная и очень пыльная. Он знал, что она приведет его к центральной площади — такая всегда была в этих лагерях. Он искал информацию и нашел ее быстрее, чем рассчитывал.

Перед раскрытой дверью одной из хижин сидел мужчина. Хижина была неуклюже слеплена из клочков выброшенных пластиковых листов, укрепленных ветками и камнями. Мужчина был бородачатый, грязный, в бесформенной одежде. Он наклонился над ботинком, стараясь заделать зияющую в нем дыру. Он взглянул на приближающегося Дюмареста.

— Эрл! — Башмак и куски скрученной проволоки упали в сторону, когда мужчина вскочил на ноги. — Разве я когда-нибудь был не рад тебя видеть!

— Меган! — Взгляд Дюмареста прошелся по грязи, бороде, бесформенной одежде. — Все остальное так же плохо, как это?

— Хуже. — Меган наклонился, поднял свой ботинок и выругался, просунув палец в дырку. — Только что прибыл?

— Да.

— Кто оператор на твоём корабле? — Меган поинтересовался этим слишком небрежно. — Порядочный тип?

— Лучше не бывает. А в чём дело?

— Достаточно порядочный, чтобы ему можно было довериться?

— Он не дурак. — Дюмарест сел перед хижинкой. — Ты знаешь законы, Меган. Без денег нет перелета. Долго ты болтаешься здесь?

— Больше года. — Он со злостью швырнул порванный ботинок на землю. — Четыре раза я видел прилетающие корабли, и четыре раза они улетали без меня. Если я не улечу вскоре, то не улечу никогда. Уже сейчас я перешел черту обычного риска.

Он был оптимистом. Под грязными обносками Меган был тощим, одежда болталась на исхудавшем теле. Путешествовать низшим классом в его состоянии было равносильно самоубийству. Он с завистью взглянул на Дюмареста.

— Ты выглядишь прекрасно, — сказал он. — Для человека, который только что приземлился.

— Мне повезло, — сказал Дюмарест и усмехнулся воспоминаниям. — Оператор отступил от правил. Он разбудил меня на три дня раньше ради компании. Ему был нужен собеседник. Я скрасил его одиночество.

— И за беседы тебя хорошо кормили. — Меган нахмурился. — Бьюсь об заклад, что он хотел знать все о жизни путешественников.

— Ты знаешь?

— Это бывает регулярно. Проклятая деревенщина! Они не могут понять, что для таких поступков необходимо мужество. И начинают ненавидеть нас, поскольку не могут этого сделать, и изливают свою злобу так, как только могут. Пусть все они идут к черту!

Он сел, поскольку угас поддерживавший его гнев.

— Я попал сюда по ошибке, — тихо сказал он. — Оператор сказал, что корабль направляется на Ларгис. Я не знал, что он врет, пока не вышел с корабля. Сначала я не очень беспокоился. Я слышал о Гате и был любопытен. Я хотел... нет, лучше не вспоминать. У меня даже было немного денег, чтобы осмотреться, прежде чем найти себе работу для приобретения билета. И только через некоторое время до меня дошло.

— Нет работы, — сказал Дюмарест. — Вокруг нет свободных денег. Я знаю, как это бывает.

— Ты всегда был умным, — сказал Меган вяло. — Я помню, как ты говорил об этом в тот раз на Шике. О планетах, от которых путешественник должен держаться в стороне, если не хочет оказаться на мели. Ну и какая польза тебе от всех твоих знаний?

— Никакой, — спокойно сказал Дюмарест. Он объяснил, как попал на планету. Меган кивнул, угрюмо изучая свой ботинок.

— Я видел приземление этой матриарши. Большая свита, хорошо вооруженная. У них столько барахла, что можно открывать магазин.

— Да, у них есть деньги, — согласился Дюмарест. — Возможно, они приехали сюда поохотиться.

— Тогда они зря тратят время. — Меган сплюнул от отвращения. — На этой планете нет развлечений — по крайней мере здесь. И люди не прилетают на Гат ради охоты.

— Тогда это оружие для чего-то другого. — Дюмарест задумался. — Большая свита, говоришь?

— Ну да. Они не похожи на толпу туристов и ведут себя совсем не так. Больше всего похожи на отряд военных. Их охранницы повсюду. Крепкие девицы, но страшные, как крокодилы. Они установили свои палатки в Верхнем городе. — Меган поднял куски проволоки и начал возиться с ботинком. Его руки дрожали. — Я предложил им помочь перенести некоторые вещишки. Одна из них оттолкнула меня, тут-то я и порвал ботинок. Споткнулся и чуть не сломал себе лодыжку. — Он сморщил губы. — Приятные люди.

— Я знаю таких. — Дюмарест подошел к нему и взял ботинок с проволокой. — Ну-ка, давай я попробую.

Меган не возражал. Он смотрел на Дюмареста, пытаясь собраться с духом.

— Эрл, я...

— Потом, — быстро сказал Дюмарест. — После того как я разберусь с твоим ботинком, ты можешь показать мне, где я смогу раздобыть нам что-нибудь поесть. — Он был так занят ботинком, что даже не посмотрел на Мегана. — Ну-с, поглядим, — размышлял он. — Проблема в том, чтобы соединить достаточно крепко, чтобы не рвалось, но в то же время достаточно гибко, чтобы можно было ходить.

Но вовсе не это было настоящей проблемой.

Глава 2

На Гате не было смены дня и ночи. Разбухший шар солнца всегда висел над горизонтом, окрашивая свинцовое море в цвет крови. На востоке царил холодная, таинственная тьма. Между светом и тьмой пролегла полоска нормальной температуры. Но только здесь, на этой изобилующей водой планете, она касалась сразу и земли и океана. Такая необычная география делала планету уникальной.

— Умиравший мир, — сказал голос. Он был очень мягким и приятным. — Озлобленный пониманием своего неизбежного конца. Немного ревнивый, немного трогательный, очень сильно напуганный и наверняка жестокий.

— Вы говорите о Гате? — Сина Тос, подопечная матриарши Кунда, смотрела из окна, встроенного в стену палатки. Ей не требовалось поворачиваться, она узнала голос. Синтешелк зашелестел, когда высокая фигура кибера Дина приблизилась к ней.

— О чем еще, моя госпожа?

— Я думала, ты можешь подразумевать аналогию. — Она повернулась и посмотрела в лицо киберу. На нем была алая мантия, типичная для его класса. Лицо под капюшоном было гладким, без признаков возраста и без эмоций. — Матриарша тоже стара, возможно, немного напугана и наверняка жестока, особенно к тем, кто не подчиняется ее воле.

— Быть правительницей нелегко, моя госпожа.

— Возможно, хуже быть подданной. — Сина отвернулась от окна. Ее лицо под черной копной покрытых лаком волос было бледным. — Перед

тем, как мы покинули Кунд, я видела человека, посаженного на кол из полированного стекла. Мне сказали, что чувствительность к боли ему повысили, и что он будет долго мучиться, прежде чем умрет.

— Он был предателем, моя госпожа. Казнь выбрали такую, чтобы она стала назиданием для тех, кого могут подстрекать к мятежу.

— Это ты им посоветовал? — Она сжала губы в ответ на утвердительный кивок. — Итак, ты выступаешь против восстаний?

— Я не противник, не помощник и не принимаю ничью сторону. Я советую. Я имею ценность только тогда, когда не принимаю ничью сторону. — Он говорил о своем кредо тем же тоном, каким объявлял бы о начале сражения, об убийстве или о внезапной смерти.

Услышав это, она постаралась скрыть свое отвращение. Оно было инстинктивным, ее отвращение к киберу. Как женщина, она гордилась своим полом и преимуществами, которые он ей давал. Она любила, когда мужчины восхищались ею, но никогда не видела восхищения в глазах Дина. И никогда не увидит. Никакая женщина никогда не заставит его что-либо чувствовать.

В пять лет он стал избранным. В пятнадцать лет, после достижения половой зрелости, перенес операцию на таламусе. Он не мог испытывать ни радости, ни ненависти, ни желания, ни боли. Холодная логическая машина из плоти и крови. Бесчувственный живой робот. Единственным удовольствием, какое он знал, было умственное удовлетворение от правильной дедукции.

— Мне кажется, — проговорила Сина, — что твоя логика приводит к ошибке. Появление мученика — это ошибка. Мученики могут стать знаменем.

— Пока нет причины для их появления, — поправил он. — Этот человек был наемным убийцей. Он знал, на какой риск идет. Оппозиции матриарши, миледи, нет в массах. Все знают, что правление матриарши ко многим благосклонно.

— Это правда.

— Также хорошо известно, что она уже не молода и все еще не назвала свою преемницу.

Она кивнула, злясь на него за обсуждение очевидного.

— Именно поэтому место экзекуции было выбрано так тщательно, — пробормотал он. — Совсем не случайно этого человека посадили на кол перед резиденцией леди Мойры.

Это было уже слишком. Сина знала и любила эту женщину.

— Ты имеешь в виду, что это она наняла убийцу? Какая чушь.

Дин промолчал.

— Леди Мойра богата и влиятельна, — признала она, — но она женщина чести.

— Честь, моя госпожа, означает разное для разных людей.

— Но убийство...

— Это заурядный политический инструмент. Опасно, что матриарша больше не в расцвете своей силы. Есть те, кого волнует будущая наследница. Вот почему, — добавил он, — я выбрал именно это место для экзекуции.

— Я знаю, — сказала Сина нетерпеливо. — Перед резиденцией леди Мойры. — Ее глаза расширились. — Ведь ее дом стоит рядом с халатинским посольством!

Дин ничего не ответил, его лицо осталось вежливым. Его глаза оставались загадочными, но Сина не была дуручкой. Она слишком долго жила в сложной атмосфере придворных интриг, чтобы не видеть очевидное. Кунд был богатой планетой, а Халатия — нет. Многие считали, что у леди Мойры больше прав на трон, чем у матриарши. Глория была уже стар.

Но пытаться убить ее?

— Ты неправильно меня поняла, моя госпожа, — сказал Дин своим медоточивым голосом. — Этот человек хотел убить не матриаршу, он хотел убить тебя.

Во внутренней комнате составленного из надувных пластиковых палаток строения, которое стало их временным домом, раздался звонок. Занавески раздвинулись, и в проеме появилась Глория, матриарша Кунда. Она была очень стара. Но с годами она стала только выносливее и сильнее, как дерево становится крепче после многих лет невзгод. Она стала суровой и решительной и черпала силу в своей решительности. Ее сопровождали две стражницы, мужеподобные женщины с суровыми лицами, хорошо обученные и фанатично преданные ей. Взмахом руки она отослала их в сторону и подошла к креслу.

— Я могу все делать сама. Я не настолько стара, чтобы вы всегда носили меня.

Она знала, что ее голос слишком тонок, слишком ворчлив, но ничего не могла с этим сделать. Даже космохирурги не могли обновить мягкую ткань чересчур старых голосовых связок. Но этот недостаток она обычно могла контролировать.

— Хорошо, — бросила она охране, когда села на кресло. — Подожди меня снаружи, чтобы ничего не слышать. — Она подождала, пока за ними не опустится занавеска. Они, конечно, не уйдут далеко, может быть, останутся слишком близко, но она может положиться на их преданность. Она посмотрела на Дина. — Ну, ты ей все рассказал?

— Да, моя госпожа.

— Она испугалась? — Матриарша захихикала, так как кибер ничего не ответил. — О, она испугалась. Так же было, когда я в первый раз поняла, что кто-то хочет убить меня. Это было так давно. Много лет назад. — Она поняла, что повторяется — еще один признак старости — и раздраженно закашлялась.

— Моя госпожа! — Сина подошла к ней. — Могу ли я для вас что-то сделать? Может, принести воды? Вы хотите пить? Что-то еще?

— Отдохни, девочка, и не суетись. — Глория сглотнула, прочищая горло. — Ты не сможешь спрятаться от неприятных известий, занявшись разными пустяками. Пришло время стать взрослой и заглянуть в лицо реальности. Кто-то хотел убить тебя. Ты знаешь, почему?

— Нет, моя госпожа.

— Даже не догадываешься?

— Нет, моя госпожа. Не могу поверить, что кто-то хотел меня убить.

— Тогда ты дуручка. — Глория разъярилась. — Клянусь, они хотели тебя убить. И ты все еще не догадываешься, почему?

— Я поняла, моя госпожа. — Сина посмотрела ей прямо в глаза. — Чтобы я не стала вашей наследницей.

— Неплохо! — Глория довольно улыбнулась. — Ты не такая тупая, как, надеюсь, некоторые думают. Теперь можешь принеси мне ароматический шарик.

СОДЕРЖАНИЕ

Ветры Гата	5
Дераи	98
Человек Игры	193
Калин	284
Шутник на Скаре	381
Лаллия	471
Технос	555
Веруча	649
Майенн	751
Джонделл	872